

УДК 821.161.1.09

КОНЦЕПТЫ ПРИРОДНОГО МИРА В ЭМИГРАНТСКОЙ ПОЭЗИИ САТИРИКОНЦЕВ

Е. Н. Брызгалова

Тверской государственной университет
кафедра журналистики, рекламы и связей с общественностью

В данной статье проанализированы особенности концептосферы Дон-Аминадо и Саши Черного. Автор разобрал концепты, связанные с изображением мира природы, и показал своеобразие мировосприятия поэтов-сатириконцев. Материалом для анализа послужили стихотворения, написанные во Франции.

Ключевые слова: *концепт, природный мир, эмигрантская поэзия, концептосфера*

Обозначенная в заглавии тема обширна и многопланова, поскольку среди поэтов-сатириконцев не было никого, кто бы ни обращался к изображению мира природы. Поэтому остановимся на творчестве Саши Черного (А. М. Гликберг, 1880–1932) и Дон-Аминадо (А. П. Шполянский, 1888–1957) как наиболее талантливых и известных, чтобы показать особенности концептосферы эмигрантской поэзии. При этом стоит согласиться с мнением А. С. Рослого, который рассматривает концепт как составляющую кода художественного направления. По его мнению, единство концептосферы – признак, во многом «обладающий смыслопорождающей функцией» [3, с. 8]. Данное утверждение позволяет рассматривать концептосферу сатириконской поэзии как нечто целостное, художественно единое.

Поэзию сатириконцев определенно можно назвать городской, но при этом они относились к природе как к воплощению красоты и полноты жизни. Не случайно идеал, определенный Сашей Черным, включал в себя три составляющих: «дети, звери и народ» [6, с. 72]. «Звери», как одно из воплощений естественного мира природы, сопутствовали поэтам на протяжении всего творчества. Поэтому можно утверждать, что концептуальное поле природы в поэзии сатириконцев предельно широко. В то же время, пребывание в эмиграции, заставившее их пересмотреть многие представления о России, собственной жизни и о бытии в целом, наложило отпечаток и на восприятие природы.

В мировосприятии Дон-Аминадо в начале 20-х гг. ощущение *живой* природы во многом ассоциировалось с утраченной родиной и противостояло реальности жизни в Париже: «Это, братец, не Москва, // Где на улицах трава...» [1, с. 127]. Для П. Потемкина название последнего прижизненного сборника стихов «Отцветшая герань» [2] стало символом невозвратимой утраты. Поэтому логично продолжение названия: «То, чего не будет». В данном случае герань символизировала некую *домашность*, утраченную вместе с родиной.

Дон-Аминадо, Саша Черный, П. П. Потемкин и другие сатириконцы во многом выразили мироощущение рядового эмигранта, пережившего сильнейшие потрясения, уставшего от жизненных бурь и неурядиц и пытающегося найти себя в новом качестве и в новой жизни. Характерно, что именно в природе они выделили некое положительное начало, стержень, держась за который человек может многое преодолеть и заново начать свою жизнь. Поэтому красота и многообразие

природного мира представлены в их стихотворениях полно и многосторонне. Это, в свою очередь, определило обилие концептов, описывающих природный мир.

Для эмигранта естественны воспоминания о родине, которые тревожат, причиняют боль, заставляют страдать. Эту сторону мироощущения русского человека на чужбине наиболее полно выразил Дон-Аминадо, который со щемящей грустью и ностальгией вспоминает о родной стране в стихах «Труженики моря», «Города и годы», «Голубые поезда» и др. Для его лирического героя характерно постоянное соотнесение прошлого и настоящего, сравнение России и Франции. Эти два мира в его сознании часто противостоят друг другу, особенно в лирике 20-х годов. О России лирическому герою напоминает множество мелочей: запах сосен («Из чужого окошка»), сирень («Уездная сирень»), «русский зимний полдень», «русский запах снега» («Города и годы») [1, с. 134]. Все это ассоциируется с родиной и с прошлым и противостоит настоящему.

Если в восприятии героя-эмигранта Дон-Аминадо два временных плана постоянно переплетаются и вызывают сложное, горьковато-нежное чувство, то у Саши Черного они существуют как бы поотдельности, и каждому отведено свое место в душе человека. Настоящее и прошлое сосуществуют в сознании героя, а не противостоят друг другу: «Может быть, наше черное горе нам только приснилось? // Даль молчит. Облака в голубеющей мгле» [6, с. 452]. Если герой Дон-Аминадо старается сберечь в сердце крупички воспоминаний, то у Саши Черного можно встретить иное желание: «Ах, если б сжечь все корабли, // Забыть проклятый день вчерашний, // Добыть кусок зеленой пашни // И взрезать плугом грудь земли» [6, с. 453].

Со временем боль утраты притупляется, и в стихах поэта предстает красота и прелесть окружающего. Теперь герой-эмигрант считает этот мир своим: «Если руки сложить бездумно // И смотреть на далекий скат: // Все мое – и холмы, и дорога, // И скамья, и стол, и закат...» [6, с. 534].

Стремление освободиться от груза воспоминаний и обрести душевный покой чувствуется во многих стихотворениях: «Одуванчик бесполезный, // Факел нежной красоты! // Грохот дьявола над бездной // Надоел до тошноты...» [6, с. 455]. Победа жизни над прошлым выражается в преобладании красоты над прозой жизни. Саша Черный находит поэзию повсюду, в самых, казалось бы, обыденных вещах: на рынке («Базар в Auteuil»), в расцветшем гиацинте («Городские чудеса»): «Перед цветочной лавкой на доске // Из луковицы бурой и тугой // Вознесся гиацинт: // Лиловая душа, // Кадящая дурманным ароматом... // Господь весной ей повелел цвести, // Вздыматься хрупко-матовым барашком...» [6, с. 551].

Восхищение многообразием мира распространяется на все окружающее, и поэзия окрашивается в очень теплые тона. В лирике начала 20-х годов, не вошедшей в сборник «Жажда», таким теплом были окрашены стихи об утраченной России, о детстве («Черника», «Кукуруза» и др.). Теперь, в конце десятилетия, поэт нашел свой идеал в простоте и обыденности: «После лет гражданской драки // Каждый мирный лист капусты // Шлет масонские мне знаки...» [6, с. 564].

И в этом поэт близок Дон-Аминадо, тоже утверждавшему ценность простых и привычных реалий. Искренность звучит в словах лирического героя из стихотворения Дон-Аминадо «Признания». Лишь многое пережив, он понял, что есть настоящая ценность в жизни: «Мы поздно поняли, пропевши от усердия // Все множество всех песен боевых, // Что нет ни пристава, ни счастья, ни бессмертья... // Лишь ландыши, и то уж для других...» [1, с. 146].

Политика («пристав»), глобальные проблемы («бессмертье») и возвышенные идеалы («счастье») – все это меркнет перед тихой радостью, которая ассоциируется с милым и неброским цветком ландыша. Но герой познал эту истину слишком поздно, когда уже невозможно ничего вернуть. Идеал тихой радости и «маленькой жизни» привлекал поэта куда больше политической или общественной деятельности. В стихотворении «Ночной ливень» этот идеал выражен с любовью и теплотой и включает в себя домашний уют и заботу близкого человека: «Напои меня малиной, // Крепким ромом, цветом липы...» [1, с. 150]. Герой доволен именно такой жизнью и считает, что «человеку надо в сущности ведь мало» [1, с. 151]. Поэтизация быта встречается в стихах художника довольно широко («Без заглавия», «Бродяга» и др.).

По сравнению с дореволюционным творчеством, в эмигрантских стихах Саши Черного изменяется само понимание смеха: вместо едкой иронии – «смех – волшебный алкоголь», а вместо желания указать на несовершенство (и это мягко сказано) современника – стремление вызвать у него добрую улыбку. Нельзя сказать, что ирония совсем уходит из его поздней поэзии. Она ощущается во многих стихах, но изменяется ее качество: она становится более тонкой. Вместо едкой насмешки – понимающая улыбка пожившего на земле и хлебнувшего лиха человека, научившегося ценить мелочи жизни.

В стихотворении «Базар в Auteuil» автор выделяет две части. В первой он рисует экзотический рай, перенеся его из раздираемой проблемами Европы в знойную и далекую Африку («Хорошо близ Занзибара...» [6, с. 563]). Верный своим правилам, Саша Черный расцветывает картину яркими красками, изображая слонов, жирафов, «бушмена с блаженной миной». Ирония чувствуется в подчеркнутой экзотичности изображения. Характерно, что, создавая идеальную картину, поэт не забывает о деталях, придающих ей «осязаемую вещность»: «Черный ангел спит на страже // Под алоэ у калитки. // По бедру его тихонько // Вверх и вниз ползут улитки...» [6, с. 563]. Ирония становится более явной к финалу части, когда автор объясняет, зачем он нарисовал все это, столь далекое от реальности. Он предлагает читателю увидеть красоту не в экзотическом Эдеме, а на обычном французском базаре. И завершается все это четкой и ироничной эпиграммой: «Занзибар – журавль в лазури, // Жизнь проходит час за часом, // Если, друг мой, нет нектара, // Утоляют жажду квасом...» [6, с. 564].

Вторая часть стихотворения – описание осеннего изобильного рынка. Автор описывает его так, будто стремится доказать, что он ничуть не менее прекрасен и поэтичен, чем рай в Занзибаре. Здесь яркость и насыщенность красок, живописность деталей, обилие всякой снеди может соперничать с полотнами фламандского художника Франса Снейдерса, воспевавшего богатство природы и изобилие даров земли. Добавим к этому изображение людей, покупающих, продающих, просто снующих в толпе, и получим многомерную и точную картину, в которой передано постоянное движение и четко выписаны самые незначительные, на первый взгляд, подробности. Поэт постоянно подчеркивает разнообразие всего, чем торгуют: «Рядом с будничною пищей, // Рядом с мазью для посуды // Вянут нежно и покорно // Пышных астр цветные груди...» [6, с. 565]. Наверное, поэтичное настроение лирического героя («В этот час все сердцу мило...») как-то упорядочивает изображение, создавая впечатление изобилия, а не мешанины. Ощущение радости («И идешь домой веселый...») сохраняется до конца стихотворения. Таким образом, легкая ирония соединяется с юмором, свидетельствующим о любви героя

к природе, о его приверженности идеалам простой и обычной жизни, полной маленьких радостей.

Оптимистическое звучание стихов и желание приободрить читателей – таких же эмигрантов, характерно для ряда произведений обоих поэтов. В стихотворениях разных лет у них можно найти вариации на тему бодрости. Так, в программном стихотворении Дон-Аминадо «Накинув плащ», открывающем одноименный сборник стихов 1928 г., поэт призывает «сомнение, как падаль, отшвырнуть» [1, с. 86]. Он уверен, что у его товарищей по изгнанию есть будущее, и нужно только не сдаваться и верить, что впереди – радость: «И зачесать непрошенную проседь, // И выпрямить надломленную грудь, // Принять опять классическую позу // И петь...» [1, с. 87].

Поэту были подвластны не только скепсис и горечь утрат, но и радость жизни, и ликование любви, и восторг юности. В стихотворении «Мадригал» он утверждает ценность настоящего: «Не надо ангелов, ни неба, ни алмазов. // Я жить хочу сегодня и сейчас» [1, с. 95]. Это представляет читателю иного Дон-Аминадо – лирика, способного отразить в стихах радость бытия. Лирический герой стихотворения «Гроза» торопится вобрать в себя все впечатления окружающего мира. Общение с природой дарит радость и дает силы жить. Восхищение красотой и нескончаемой жизнью природы буквально переполняет это стихотворение. Чтобы подчеркнуть свой восторг, автор использует длинную строфу, представляющую собой единое предложение, осложненное множеством однородных членов и повторов (16 строк). Не следует думать, что поэт ищет в природе какую-то экзотическую красоту, особо изысканные и непривычные ракурсы. Нет, его восхищают обычные дождевые капли: «Распахнуть окно и слушать // Этот сказ их многостопный, // Пить и выпить эту влагу, // Этот дух гелиотропный...» [1, с. 97].

Это начало предложения, в нем местоимение *этот* употребляется сначала через строчку. Далее оно повторяется в разных формах уже на каждой строке, и расширяется круг того, что бы герой хотел вобрать в свою душу: «Этот сладкий запах липы, // Это летнее томление, // Эту радость, эти всхлипы, // Этой радости и жажды // Утоление земное, // Это небо после ливня // Снова ярко – голубое...» [1, с. 97].

Радость от общения с природой переполняет сердце лирического героя. Природа воспринимается им не сама по себе, а как часть мира человека. Не случайно в одном из стихотворений поэт использовал строку из стихотворения Ф. И. Тютчева («Все во мне, и я во всем» [4]), проясняющую восприятие мира великим поэтом-философом. Для Ф. И. Тютчева человеческое я и природа – две беспредельности, взаимосвязанные и взаимопроникающие. Дон-Аминадо воплотил мир человека совершенно другой эпохи. Это существо с надломленной душой. У него осталось мало радостей, мало такого, на что он мог бы опереться в своих жизненных исканиях. И поэт предлагает в качестве одной из таких ценностей природу как силу, дающую радость. В стихотворении «Смирение» тютчевская формула единения человека с миром получает новую интерпретацию: «Нет свершения вовне. // Я – в других. И все – во мне» [1, с. 86]. В своем стремлении помочь читателям найти опору в природном мире поэт-сатириконец сближается с еще одним русским классиком – А. А. Фетом: «Но верь весне. Её промчится гений, // Опять теплом и жизнью дыша. // Для ясных дней, для новых откровений // Переболит скорбящая душа» [5].

Герою-эмигранту, пережившему крушение жизни, важно осознание единства – с людьми, с природой, с миром, наконец. Поэт понял это стремление чело-

века чувствовать свою принадлежность к чему-то общему, чем раньше для всех была Россия. Теперь его герой ищет и находит другие точки опоры: «А над всем и над тобой // Легкий, пьяный, голубой, // Золотой весенний пар, // Дым, и нежность, и угар» [1, с. 86].

Поэт воспринимает природу в кругу других ценностей, среди которых выделяются искусство и любовь. В стихотворении «Гроза» июньский ливень ассоциируется с «ямбами из любимого поэта» [1, с. 97], а в «Городских фонтанах» «оформленная прихотью стихия» воды воспринимается как поэзия: «И если долго вслушиваться в шум, // То ясно в нем улавливаешь дактиль, // Скользящий ямб, послушливый хорей // И медленную женскую цезуру...» [1, с. 87]

В стихотворении «Primavera», что в переводе обозначает «весна», пейзаж ассоциируется с картинами русских живописцев: первые грачи вызывают у него воспоминание о «картинах Ярошенко», а вид весенней рощицы – «как на картинах Левитана» [1, с. 145]. Любовь, чувственность герой сравнивает с роскошной красотой лета. Не случайно, в «Грозе» природа после дождя сопоставляется с красавицей, «разметавшейся на ложе из душистой повилики» [1, с. 98]. Чувственное начало подмечается во всем: «А кругом плавают розы, // Отягченные любовью...» [1, с. 98].

Любовь и природа в сознании поэта оказываются накрепко связанными понятиями. И если чувственное начало у него ассоциируется с летней пышностью и расцветом, то осеннее увядание скорее напоминает об ушедшем чувстве, о пережитом: «Уже обрызганная кровью, // Упала роза на гранит. // Уже последнюю любовью // Пылают астры. Сад молчит...» [1, с. 160]. Осеннее увядание созвучно ощущению утраты: из заколоченного дома и из отшумевшего сада ушла жизнь: «И ветер злится и играет // Обрывком женского письма» [1, с. 160].

Создавая образ природы, художник опирался не только на зрительные образы и ассоциации, он обращался и к запахам. Этот прием был использован им в одном из лучших стихотворений – «Города и годы». По мысли поэта, города мира имеют свои запахи, которые служат им своего рода визитными карточками. Но, оказывается, что и лето имеет множество запахов, вызывающих самые разные ассоциации. Обратимся к стихотворению «Летняя запись». Именно в многообразной гамме запахов и показана здесь радость и многогранность жизни: «Лето пахнет душистым сеном, // Сливой темною и пыльной...» [1, с. 159].

Интересен подбор тех реалий, которые передают запахи лета. В восприятии героя мир настолько многообразен, что ассоциации возникают самые разные: «голубая морская соль» и «вино, что только бродит в сочных гроздьях винограда» [1, с. 159]. Перечисляя запахи, поэт несколькими точными штрихами очерчивает контуры то цветка болотной лилии, «тонкостанной и бессильной», то старой купальни, замшелой и пахнущей сыростью. В результате всего создается образ лета, в котором любой читатель может найти для себя что-то знакомое и приятное. В картине нет ни одной грустной или хоть сколько-нибудь ироничной ноты: поэзия и радость окрашивают увиденное.

Таким образом, ироническое и лирическое, отрицающее и утверждающее начала в поэзии Дон-Аминадо и Саша Черного составляют единое целое, как бы две стороны мира, в котором живут их герои. А реалии природного мира составляют основу этой жизни. Природа дарит человеку силы, примиряет его с тяготами жизни и даёт надежду на будущее.

Список литературы

1. Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь. Стихотворения. Политический памфлет. Проза. Воспоминания. М.: «ТЕРРА» – «TERRA». 580 с.
2. Потемкин П. П. Отцветшая герань. То, чего не будет. Берлин: Изд-во З. И. Гржебина, 1923. 153 с.
3. Рослый А. С. Данте в эстетике и поэзии акмеизма: система концептов (на материале творчества А. Ахматовой, Н. Гумилева, О. Мандельштама): дис. ... канд. филол. наук. Ростов/Дон: РГУ, 2005. 210 с.
4. Тютчев Ф. И. Стихотворения [Электронный ресурс] // Русская поэзия. URL: <http://guroem.ru/tyutchev/all.aspx> (Дата обращения: 17.07.2014).
5. Фет А. А. Стихотворения [Электронный ресурс] // Русская поэзия. URL: <http://guroem.ru/fet/all.aspx> (Дата обращения: 14.08.2014).
6. Черный Саша. Улыбки и гримасы. Избранное: В 2-х т. М.: Локид, 2000. Т. 1: Стихотворения. 672 с.

THE CONCEPTS OF THE NATURAL WORLD IN ÉMIGRÉ SATIRIKON'S POETRY

E. N. Bryzgalova

Tver State University

The department of journalism advertising and public relations

This article analyzes the features kontceptosfery Don-Aminado and Sasha Cherny. Author dismantled the concepts associated with the image of the natural world, and showed originality worldview poets satirikontsev. The material for the analysis were the poems written in France.

Key words: *concept, natural world, emigre poetry, conceptual sphere*

Об авторе:

БРЫЗГАЛОВА Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой журналистики, рекламы с связей с общественностью Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: bryzgalovaelena@gmail.com